

18+

Марьяна Легенда

Марьяна Легенда

На острове Буяне.

Инвентаризация бессмертия

<https://litres.ru/74149319>

ISBN 9785007001670

Аннотация

В первой книге вы познакомились с Тарасом Птицыным, который оказался Кощеем Бессмертным, забывшим свою истинную сущность. Вместе с Ягой и Змеем Горынычем они прошли путь от пробуждения до осознания своей роли в мире.

Теперь на сцену выходит Садко — гуслир и торговец, чья история переплетается с морскими глубинами и цифровой реальностью. Что ждёт его на острове Буян? Какие тайны скрывает избушка на курьих ножках? И как три артефакта — Скрепка, Пробка и Плеер — помогут ему найти свою музыку?

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог. Точка восстановления	5
Глава первая. Переступи порог	9
Конец ознакомительного фрагмента.	21

На острове Буяне Инвентаризация бессмертия

Марьяна Легенда

*«Я хочу быть с тобой, но я должен идти.
Туда, где всё так тихо, темно под водою...» — из
несыгранной симфонии*

© Марьяна Легенда, 2026

ISBN 978-5-0070-0167-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Точка восстановления

Мир не заканчивался. Он просто завис. Как человек, застывший на полуслове, когда мысль уже ушла, а рот ещё открыт. Где-то на границе сна и яви мигал курсор — ритмично, настойчиво, как сердце пациента, который вот-вот откажет. Белый прямоугольник на чёрном фоне реальности пульсировал в такт усталому дыханию Автора, который где-то там, за пределами текста, решил взять паузу.

Но пауза в сказке — это не тишина. Это застывший крик. Это момент, когда герой уже сделал вдох, но выдохнуть забыл, потому что сценарий закончился, а жизнь продолжилась.

За окном кабинета, которого не существовало, шёл дождь. Не тот, красивый, кинематографичный, а серый, нудный, осенний, размывающий контуры города до акварельного пятна. Автор откинулся в кресле, потёр виски. На столе лежала распечатка — первые семь глав истории о Кошечке, Яге и Змее. Они были хороши. Слишком хороши. В них было слишком много жизни, слишком много боли и слишком много надежды. Они растворились в мире, стали его частью, перестали быть персонажами и стали воздухом.

Но сказка не терпит пустоты. Если одни ушли в тень, другие должны выйти на свет.

— Проблема не в тексте, — сказал Автор вслух. Голос прозвучал глухо, будто стены поглощали звук. — Проблема в том, что я не знаю, кто теперь главный.

Он знал, как должны заканчиваться сказки. Зло повержено, добро награждено, герои живут долго и счастливо, пока не умрут. Но его герои не могли умереть. Они были архетипами. Они были идеями, облечёнными в плоть. И если дать им спокойную старость на лужайке в Коломенском, читатель почувствует подвох. Читатель почувствует, что Автор испугался.

— Они должны уйти, — прошептал Автор. — Но не исчезнуть. Раствориться. Стать частью мира, который они пытались изменить. А на их место должен прийти кто-то новый. Тот, кто умеет слушать тишину между звуками. Тот, чья музыка может настроить расстроенный инструмент мироздания.

Он потянулся к клавиатуре. Пальцы замерли над клавишами. На экране мигнул курсор. На долю секунды ему показалось, что мигнул не курсор, а что-то в глубине монитора. Какой-то зелёный отсвет. Вертикальный зрачок — тот са-

мый, что он видел в глазах Яги-Леты триста лет назад, когда ещё был Тарасом Птицыным.

Автор моргнул. Ответ исчез.

— Ладно, — выдохнул он. — Давайте попробуем ещё раз. Но без меня. Я буду только наблюдателем.

Он нажал «Enter». Строка поползла вниз. Текст начал писать сам себя, точнее — он начал вспоминать себя. Автор лишь направлял поток, иногда убирая лишние слова, иногда добавляя тени там, где было слишком светло.

Дождь за окном усилился. В стекле отразилось лицо Автора. Усталое. Человеческое. Слишком человеческое для того, кто придумывает богов.

— Пиши, — скомандовал он пустоте.

И пустота начала отвечать. Она отвечала шумом моря, которое никогда не существовало, но которое помнили все. Она отвечала звоном золота, которого никто не видел, но которое хотели все. Она отвечала именем, которое было забыто, но которое должно было вернуться.

Садко.

Гусляр. Торговый гость. Должник. Герой. Ошибка. Исправление.

Где-то в глубине мироздания, там, где сходятся все реки и все истории, где стоит камень Алатырь, на котором начертаны законы и физики, и магии, проснулся новый герой. Он не был создан. Он был восстановлен. Из резервной памяти. Из той самой, что хранилась на острове Буян — острове, которого нет на картах, но который есть в каждом сне, где ты бежишь и не можешь убежать.

Курсор мигнул ещё раз. Зелёный свет в глубине стал ярче. Вертикальный зрачок раскрылся.

— Загрузка завершена, — произнёс кто-то скрипучим голосом, напоминающим звук старой пластинки. — Остальное зависит от пользователя. От того, кто теперь будет писать свою историю.

И пользователь — тот, кого система помечала как «Садко», но кто ещё не знал своего имени — открыл глаза.

Глава первая. Переступи порог

Сознание возвращалось слоями. Сначала — запах. Йод, соль, гниющие водоросли и что-то ещё, неуловимо знакомое, от чего першило в горле и хотелось чихать. Потом — звук. Ритмичный, накатывающий волнами: ш-ш-ш, пауза, ш-ш-ш. Море. Определённо море. И только потом пришла боль.

Садко открыл глаза и тут же пожалел об этом. Солнце висело прямо над головой — белое, яростное, совершенно немилосердное к человеку, который по неизвестной причине лежит на гальке в позе выброшенного на берег медузы. Он попытался пошевелиться. Тело отозвалось возмущённым хрустом всех суставов сразу, будто его, Садко, перед тем как выбросить на этот пляж, старательно скрутили в узел, а потом забыли раскрутить.

Вторым было ощущение поверхности под спиной. Это был не песок. Песок — он мягкий, сыпучий, тёплый. А здесь — миллиарды мелких камешков, гладких, как стеклянные бусины, которые перекатывались под лопатками с тихим стеклянным звоном.

Голова была тяжёлой, словно внутрь черепа залили расплавленный свинец и забыли вынуть. Память работала с пе-

ребоями, как старый радиоприёмник, который ловит только обрывки фраз. Всплывали фрагменты: гусли, струны, морская глубина, холодные глаза Морского Царя, золотые цепи, которые душили горло. И ещё — звук. Постоянный, фоновый гул, который он привык называть музыкой, но сейчас этот гул напоминал шум ветра в проводах. Где-то в глубине сознания крутилась мелодия, но она была оборвана на самом высоком взлёте, как песня, которую не допели.

— Господи, — прохрипел он. Собственный голос показался чужим — сиплым, надтреснутым, с противной хрипотцой, какая бывает после трёхсуточного запоя или после попытки перекричать Ниагарский водопад. — Где я?

Ответа не было. Только шум. Ритмичный, накатывающий волнами: ш-ш-ш, пауза, ш-ш-ш. Море. Определённо море.

Он огляделся.

Пляж. Галька — серо-зелёная, гладкая, обкатанная веками. Слева — море, бескрайнее, уходящее в дымку горизонта. Но вода в нём была странная. Не синяя, не зелёная, а какая-то серебристая, и по ней то и дело пробегали светящиеся полосы — будто солнечные зайчики, но слишком ровные, слишком правильные. Справа — лес. Не подмосковный лесок с берёзками и тропинками, а настоящий Лес. Дремучий.

С корявыми стволами, переплетёнными ветвями и ощущением, что оттуда на тебя кто-то смотрит. Сзади — скалы. Впереди — тоже море.

Остров. Он на острове.

— Прекрасно, — сказал Садко вслух. — Просто прекрасно. Я на острове. Я не помню, как меня зовут. Я не помню, откуда я. Я не помню, зачем я здесь. И у меня болит голова.

Он замолчал, прислушиваясь к себе. Имя. Должно же быть имя. Он напрягся, как напрягается человек, пытающийся вспомнить слово, которое вертится на языке. Что-то связанное с водой. С морем. С музыкой. Да, точно — музыка. Гусли. Он играл на гусях. Или не играл? Образы путались, накладывались друг на друга: то ли он купец, то ли гусяр, то ли вообще кто-то третий, кто перепил на пиру и уснул в чужом тереме.

— Садко, — вдруг выдохнул он. — Меня зовут Садко.

Имя отозвалось внутри странным эхом — не то подтверждением, не то насмешкой. Будто кто-то большой и невидимый пожал плечами: «Ну, называй себя так, мне-то что».

Он поднялся на ноги. Тело слушалось плохо, но хотя бы не

падало. Одежда на нём была странная. Не современная, но и не историческая. Что-то среднее: свободные штаны из грубой ткани, рубаша с вышивкой, которая при ближайшем рассмотрении оказывалась не вышивкой, а чем-то вроде пиксельного узора, вытканного серебряной нитью. На ногах — сапоги. Мягкие, удобные, явно дорогие. И совершенно сухие, хотя он лежал у самой воды — будто вода откатилась, не смея коснуться восстановленного аватара, словно время застыло до того, как волны успели их намочить.

— Ну хоть что-то, — пробормотал Садко.

Он огляделся ещё раз, теперь более внимательно. пляж был пуст, если не считать россыпи гальки, пары чаек, которые смотрели на него с откровенным неодобрением, и... избушки.

Избушка стояла метрах в пятидесяти, у самой кромки леса. Не классическая «на курьих ножках» из детских сказок, а какая-то странная. Ножки были. Две. Куриные, жёлтые, с чешуйчатыми лапами, которые нервно перебирали гальку, будто избушка топталась на месте в нетерпении. Само строение напоминало гибрид деревенской бани и чего-то неуловимо современного — брёвна старые, замшелые, но между ними светились тонкие синие полосы, будто кто-то проложил светящийся мох. Крыша крыта не соломой, а чем-то, что по-

дозрительно смахивало на черепицу из тёмного стекла. Из трубы шёл дымок, пахнувший не дровами, а чем-то травянисто-сладким, вроде шалфея с примесью мёда.

Избушка заметила, что на неё смотрят. Она развернулась — не резко, а плавно, с достоинством — и теперь стояла к Садко передом. Дверь была приоткрыта. Изнутри тянуло теплом и чем-то ещё — то ли борщом, то ли зельем, то ли борщом из зелья.

— Ладно, — сказал Садко в пространство. — Раз уж тут больше ничего нет...

Он пошёл к избушке. Ноги вязли в гальке, идти было неудобно, но он упрямо переставлял их, потому что оставаться на пустом пляже под солнцем, чуждым тому ноябрьскому небу за окном кабинета Автора, казалось ещё более дурацкой идеей.

Дверь скрипнула сама, когда он подошёл. Скрип был долгим, протяжным, похожим на звук, с которым открывается старая книга. Садко замер на пороге, пытаясь разглядеть, что внутри. Темнота была густой, почти осязаемой, пахнувшей сухими травами, старым деревом и ещё чем-то неуловимым — может, временем. У времени, решил Садко, должен быть именно такой запах: пыльный, сладковатый, с горчинкой.

— Ну, заходи, коли пришёл, — раздался голос из глубины.
— Нечего порог топтать, он у меня не казённый.

Голос был женский. Старческий, но не дряхлый — скорее, выдержанный, как хорошее вино или как старая скрипка. В нём слышались одновременно ворчливость и насмешка.

Садко шагнул внутрь.

Внутри оказалось светлее, чем снаружи. Свет шёл непонятно откуда — то ли от стен, то ли от потолка, то ли от самой старухи, которая сидела в углу на низкой лавке. Она была именно такой, какой и положено быть загадочной старухе из сказки: седые волосы убраны под платок, расшитый черепами и цветочками (черепа почему-то были стилизованы под улыбающиеся рожицы), лицо в морщинах, но глаза — молодые, яркие, зеленющие, с вертикальным зрачком, как у кошки. В руках она держала вязание. Спицы мелькали с невероятной скоростью, выщёлкивая что-то длинное, серое, бесформенное. Она вплетала в ряды обрывки воспоминаний — то ли свои, то ли чьи-то, уже не разобрать.

Садко присмотрелся. Старуха вязала носок. Огромный. Размером с хорошую наволочку. И явно не для человеческой ноги.

— Здравствуйте, — сказал Садко. Голос всё ещё хрипел.
— Я, кажется, заблудился.

— Кажется, — согласилась старуха, не поднимая глаз. — Или кажется, что кажется. Или не кажется, а так и есть. Ты сам-то определись для начала.

— Я не помню, — честно признался Садко.

— Это бывает, — кивнула старуха. — С непривычки. Ты садись, в ногах правды нет.

Садко огляделся. Кроме лавки, на которой сидела старуха, в избушке обнаружился ещё один предмет мебели — табурет. Обычный, деревянный, трёхногий. Он стоял ровно, хотя по всем законам физики должен был заваливаться.

— Садись-садись, — подбодрила старуха. — Он не кусается. Обычно.

Садко сел. Табурет под ним даже не скрипнул.

Старуха продолжала вязать. Спицы мелькали, петля за петлёй, носок рос на глазах. Садко смотрел на это заворожённо, чувствуя, как внутри поднимается волна вопросов.

Кто он? Где он? Как отсюда выбраться? Что это за остров? Почему избушка на курьих ножках? Почему старуха с кошачьими глазами? И, главное, почему он, кажется, уже где-то её видел?

— Вопросы, — сказала старуха, не дожидаясь, пока он заговорит. — У тебя их много. Это хорошо. Вопросы — признак живого ума. Но ответов я тебе не дам. Не потому что вредная, а потому что не положено.

— А что положено? — спросил Садко.

Старуха наконец подняла глаза. Зелёные, с вертикальным зрачком, они смотрели прямо в душу — и, кажется, видели там всё, что Садко сам о себе ещё не вспомнил. Тот самый взгляд, что он видел в зеркале, когда ещё был Тарасом.

— Положено — дать тебе три предмета.

Она отложила вязание и полезла в карман своего халата. Карман оказался бездонным, словно портал в другое измерение. Старуха поворошила там рукой, послышался звон металла, шуршание пластика, треск статического электричества. Садко наблюдал за этим движением с каким-то странным благоговением. Это было похоже на фокус, но без волшебства. Это было похоже на извлечение нужного инстру-

мента из ящика с приборами. Только инструменты эти выглядели так, будто их собрали на свалке электронного лома после конца света.

Садко смотрел на них и чувствовал, как его представление о сказочных артефактах трещит по швам.

Предмет первый: скрепка. Но не обычная канцелярская мелочь, которую вечно теряешь в ящике стола. Эта была огромной, размером с ладонь Садко, сделанной из чёрного металла, который словно поглощал свет. Она была холодной — не ледяной, а как-то основательно холодной, будто хранила в себе температуру глубокого подвала. На внутренней стороне скрепки были выгравированы крошечные знаки, которые при ближайшем рассмотрении оказывались не то рунами, не то какими-то закорючками, напоминающими полосочки на товарах в лавке.

— Это «Скрепка Вселенской Пристёжки», — пояснила старуха, тыкая в неё спицей. — Кажется обычной канцелярией. Но она держит вместе то, что должно развалиться. Идеи и слова. Мечты и действия. Прошрое и будущее. Используй, когда почувствуешь, что твой мир рассыпается на части и ничто не имеет смысла. Только не разгибай её полностью. Последствия непредсказуемы. Может схлопнуться всё вокруг. Или просто испортится настроение у всех на много вёрст.

Предмет второй: пробка от бутылки. Обычная пластиковая пробка, белая, с потёртым рисунком какого-то неизвестного напитка — не то «Живая Вода», не то что-то ещё. Пробка слегка вибрировала в руке старухи, издавая низкий гул. Вибрация была едва заметной, но она передавалась в воздух, вызывая лёгкое дрожание. Казалось, внутри пробки заперто что-то очень громкое, что-то, что хочет вырваться наружу, но сдерживается тонким слоем пластика.

— Это «Пробка Тишины», — продолжила старуха. — В мире, где каждый кричит, где шум заглушает собственные мысли, эта штука бесценна. Закрой ею любой источник хаоса — рот болтуну, дудку гудошника, собственную голову, полную тревожных мыслей. Она создаёт тишину. Полную. Но помни: в тишине иногда слышно то, что лучше бы не слышать. Голос совести, например. Или голос Морского Царя, который требует дань за каждый твой вдох.

Предмет третий: плеер в корпусе старого кассетного магнитофона. Потёртый корпус, западающая кнопка. Кассеты внутри не было. К плееру прилагался наушник — один, на тонком проводе, который заканчивался не штекером, а просто обрывом, будто его отрезали. Но провод не висел безвольно. Он был натянут, словно к нему что-то подключено с той стороны, которую Садко не мог видеть, и парил рядом,

свёрнутый в аккуратную магнитную спираль, не касаясь пола. Корпус плеера пах озоном и старой пылью. Внутри жило что-то, отдалённо напоминающее код перезагрузки мира.

— Это «Плеер Несыгранной Симфонии», — сказала старуха, и в её голосе впервые прозвучала нотка чего-то похожего на сожаление. — Ты музыкант, Садко. Твоя сила в звуке. Но твои старые гусли остались в прошлом. Этот плеер играет музыку, которой ещё нет. Он воспроизводит то, что могло бы случиться, но не случилось. То, что ты должен создать сам. Подключи наушник к чему угодно — к дереву, к камню, к сердцу врага — и услышишь мелодию этого предмета. А потом сыграй её. Если попадёшь в тон — предмет изменится. Стена станет дверью. Враг станет другом. Долг станет подарком. Но если сфальшивишь... будет разлад. А разлад в этом мире ломает кости.

Садко переводил взгляд с одного предмета на другой. Скрепка. Пробка. Плеер с оборванным наушником. Абсурд. Полный абсурд. И почему-то от этого абсурда внутри разливалось странное, давно забытое чувство. Азарт. Любопытство. Предвкушение.

— Бери, — сказала старуха, протягивая ему все три вещи. — Это на три случая. Потратишь — дальше сам. Я больше не вмешиваюсь. Моя работа — выдать снаряжение и проводить

до порога.

Садко медленно протянул руку. Сначала взял скрепку. Металл приятно лёг в ладонь, словно был её продолжением. Она оказалась тяжёлой, гораздо тяжелее, чем должна быть металлическая проволока такого размера. В пальцах она ощущалась как якорь. Как нечто, что может удерживать корабль в шторм. Он перевернул её. Загадочные значки на внутренней стороне словно шевелились, складываясь в разные узоры. Он не знал этого языка, но чувствовал смысл. Это был знак связи. Знак объединения.

Затем взял пробку. Она сразу перестала вибрировать, успокоившись в его хватке, будто узнала того, чью музыку должна будет заглушить или защитить, и оказалась тёплой. Тёплой, как тело живого существа. Рисунок на ней был стёрт, будто бутылку открывали тысячи раз, но пробка каждый раз возвращалась на место. Садко почувствовал странное желание поднести её к уху, но вовремя остановился. Чутьё подсказывало: если услышишь то, что внутри, обратно уже не заткнёшь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.